

— Правда, сущая правда! Ни слова лжи, как смел бы я вас обмануть? — Советник Лю выглядел так, будто готов был биться головой о землю, и, казалось, не лгал.

Но как это возможно? Если он не бывал в Хуамэне, откуда тогда кровавый след?! Сюэ Сянь усталился на пятно у виска советника, на которое ранее указал Сюань Минь, чувствуя раздражение и недоумение.

— Если ты утаишь хоть слово...

— Не смею, не смею... Ах, точно! — Советник Лю, отчаянно пытаюсь спастись, стал необычайно словоохотлив, словно готов был расколоть череп, лишь бы доказать искренность. — Точно! Что до Хуамэна в Гуандуне, я знаю одного человека оттуда. Рыбака. Но мы не близки, я лишь купил у него некую жемчужину, что похожа на золото, но не совсем...

— Жемчужину?! На что похожа? — Сюэ Сянь тут же перебил его, вспомнив знакомый гул, услышанный перед тем, как угодить в ловушку. — Где она теперь?

Советник Лю съёжился и забормотал:

— В...

— Что бормочешь?! Громче! — Сюэ Сянь терпеть не мог, когда в решающий момент начинают мямлить, и готов был швырнуть болтуна в Южно-Китайское море.

— Мастер сказал, что золотая жемчужина богата духовной силой, и я вложил её в каменный жернов... — Советник Лю чуть не спрятал голову в воротник.

Сюэ Сянь: «...» Ты, чёрт возьми, вложил тело истинного дракона в жернов?! Да тебе самому туда надо!

Егохватила такая злость, что он едва не отключился.

Сюань Минь, видя, что Сюэ Сянь затих, вновь сделал шаг, чтобы уйти.

— Не уходите, не уходите, спасите, спасите... — Советник Лю вдруг вцепился в край одеяния Сюань Миня, не отпуская.

Сюань Минь несколько мгновений смотрел на него сверху вниз, затем неожиданно присел. Он тихо произнёс нечто непонятное для советника, словно древнюю молитву.

После чего ударил его тыльной стороной руки по лбу. Советник Лю почувствовал, будто в голове прозвенели десять тысяч колоколов.

Он с просветлённой радостью прошептал:

— Печать... снята?

Сюань Минь глядел на него спокойно:

— Лишь для уверенности — долг будет возвращён.

Услышав это, советник Лю остолбенел.

Сюань Минь оторвал полу рясы, за которую тот держался, поднялся и вышел, не оглядываясь.

Советник Лю, опомнившись, завопил, катясь по земле:

— Буддисты... буддисты ведь милосердны...

Сюань Минь, не оборачиваясь, шагал широко и отрезал холодно и безразлично:

— Я милосердие не практикую.

Сюэ Сянь, потерявший сознание от ярости, в забытьи снова услышал, как что-то под кожей и костями на поясе монаха дрогнуло. Звук «данн...», то отдалённый, то близкий, окончательно выбил его из чувств. Так этот негодник и пролежал без сознания долгое время...

Когда он вновь открыл глаза и медленно высунулся из потайного кармана, то обнаружил, что его больше нет в усадьбе Лю.

Оглядевшись, Сюэ Сянь понял, что это, видимо, спальня. Постель аккуратно застелена, светильник излучает тёплый жёлтый свет, в комнате витает лёгкий древесный аромат и едва уловимый запах лекарств. Сюань Минь стоял у круглого резного стола из дерева. На столе лежали бездыханная бумажная оболочка Цзян Шинина, выкопанный из дома советника Лю каменный жернов, тонкий свёрток из ткани, медный таз с чистой водой и набор фарфоровой посуды цвета зелёного гороха. На ручке чайника были вырезаны три иероглифа — «Гуйюньцзюй».

Сразу ясно — лучший номер в какой-то гостинице.

«Гуйюньцзюй»...

Побродив по городу, Сюэ Сянь видал и «Башню Чжуаньюань», куда любят ходить учёные, и «Башню Гуаньюань», предпочитаемую купцами, и обычные «Юэлай» или «Фушунь» — названия в основном очень благопожелательные. А такое имя, как «Гуйюньцзюй» — «Обитель Возвращающихся Туч» — звучало так, словно желали гостю «скорейшего возвращения к небесам». Видно, только тот, кого клюнул петух в голову, станет здесь жить.

Очевидно, лысый монах и был таким клюнутым.

Сюэ Сянь наблюдал, как Сюань Минь тщательно моет руки в медном тазу. Надо признать, пальцы у этого монаха и вправду красивые — длинные, стройные, белые, с чёткими сухожилиями, проявляющимися при сгибании. Казалось, этот монах от природы не ведал, что такое спешка, всё делал неторопливо. Даже мытьё рук у него обретало степенную, торжественную атмосферу, будто чтение сутр.

Сюэ Сянь не выдержал:

— Ты моешь руки, словно готовишь кого-то к погребению.

Сюань Минь скользнул на него взглядом:

— Именно к погребению.

Сюэ Сянь:

— Кого?

Сюань Минь ответил ровно:

— Госпожи Сюй.

Сюэ Сянь:

— Госпожи Сюй?

Из жернова донёлся тихий, печальный вздох:

— Благодарю мастера.

Кто же ещё, как не старуха Лю.

Сюэ Сянь, не меняя бесстрастного выражения, поднял лицо:

— Я... кхм, сколько я проспал? Ты успел даже фамилию старухи вывести?

Он хотел сказать «был без сознания», но терять чувства от ярости — не слишком почётно. Ради драконьего достоинства он на ходу заменил на «спал».

Сюань Минь стряхнул воду с рук, взял лежащее рядом белое полотенце и тщательно вытер их:

— Без сознания был пять часов. Уже ночь.

Сюэ Сянь: «...» Как такого, вечно тычущего в больное место гробовщика, ещё не вышвырнули в городской ров?

Он был крайне возмущён и на время притих, не желая больше говорить с этим монахом. Вот уж действительно не умеет поддерживать беседу!

Сюань Минь не обратил на него внимания. Отложив полотенце, он развернул тонкий тканевый свёрток и достал оттуда небольшую стопку жёлтой бумаги и кисть.

Рядом с медным тазом стояла маленькая блюдечко с разведённой тушью. Сюань Минь разложил один лист бумаги, обмакнул кисть и вывел несколько иероглифов:

Лю мэнь Сюй ши

Бинь-инь нянь, ци юэ эр ши сань

Затем он достал из свёртка благовонную палочку, сложил исписанную бумагу трижды, поджёг от пламени свечи и положил на жернов. Тонкий лист бумаги горел на удивление медленно. Поверхность жернова быстро почернела, словно покрылась слоем пепла.

Медленно вращая в пальцах благовонную палочку, он поджёг её кончик от горячей бумаги.

— Это поминальный обряд? — Сюэ Сянь помолчал, но не удержался.

Он видел лишь обычные обряды поминовения, так называемые «семь буддийских дней» — группа приглашённых монахов сидит кругом, их лбы так и сияют, освещая комнату. Они сменяют друг друга, днём и ночью без перерыва читают сутру о перерождении перед гробом, и так семь дней и ночей кряду. Однажды Сюэ Сянь ошибся следом и случайно попал в дом, где справляли похороны. По необходимости он слушал, как эти монахи безостановочно жужжат у него над ухом семь дней. От их чтения у него голова шла кругом, и он готов был вздёрнуться прямо на крышке гроба.

С тех пор при виде монахов у него начинала болеть голова.

Он опасался, что и Сюань Минь устроит такое же семидневное жужжание. Если так, он лучше сразу спрыгнет с крыши и покончит с этим.

Сюань Минь, вращая благовонную палочку, выпустил тонкую струйку дыма, которая обвила жернов, распространяя лёгкий сандаловый аромат:

— Омовение рук, написание поминальной записки, возжигание благовоний, чтение сутры — так можно проводить усопшего в перерождение.

Он и вправду собирался читать сутры!

Сюэ Сянь, не говоря ни слова, пополз из потайного кармана.

Сюань Минь скосил на него взгляд:

— Опять что задумал?

Сюэ Сянь:

— Кончаю с собой. Прыгаю с крыши.

Сюань Минь: «...»

Разумеется, спрыгнуть с крыши Сюэ Сяню не удалось. Максимум, что он мог — это перекатиться с пояса Сюань Миня на резной круглый стол. Покружив по столу, он уже собрался скатиться на пол, как Сюань Минь схватил его и водворил обратно на столешницу.

Этот монах был до странности брезглив и совсем не походил на истинного монаха — что было видно по его привычным действиям и выбору роскошного номера.

На сей раз он, видимо, чем-то недоволен, и ему не понравилось, как Сюэ Сянь сложился в несколько складок. Без церемоний он разгладил Сюэ Сяня подушечками пальцев, затем взял увесистый пресс-папье и придавил им бумажную фигурку.

Пресс-папье было размером с пол-ладони, узкое и прямоугольное. Сюэ Сянь торчал из-под него головой, двумя тонкими ножками, а по бокам едва виднелись коготки.

Сюэ Сянь дёрнулся пару раз. Пошевелить удалось лишь кончиками коготков, остальное осталось недвижимым.

Сюэ Сянь: «...» Твою мать!

Сюань Минь больше не обращал на него внимания, сосредоточившись на благовониях.

Когда палочка догорела почти до конца, Сюань Минь тихо произнёс одну строку сутры и замолчал. Видимо, это и было его «чтением сутры», сильно отличавшимся от ожиданий Сюэ Сяня.

Жёлтая бумага и благовония почти одновременно догорели. Когда последняя алая искра погасла, Сюань Минь постучал по каменному жернову, сковавшему старуху Лю более трёх лет.

Послышалась череда сухих тресков, и прежде казавшийся невероятно прочным жернов

раскололся на несколько частей.

<http://bllate.org/book/16289/1467850>